

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ К БЕЛЬГИИ

А. В. Молодцова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Проблема присоединения немецкоязычных территорий к Королевству Бельгия в межвоенный и военный периоды XX века по сей день остается малоизученной темой в отечественной историографии. Однако есть ряд российских ученых, рассматривавших вопрос присоединения кантонов Эйпен-Мальмеди к Бельгии в контексте изучения истории государства в 1918 и 1939–1945 годах, лингвистического раскола и последствий Первой и Второй мировых войн.

Интерес к проблематике в зарубежной историографии обусловлен вневременной актуальностью темы для самого государства, ее политических и научных деятелей, связанной с изменением национальной границы в истории Бельгии. Это особенно актуально для небольшого региона на границе Германии и Бельгии, история которого за последние 100 лет была настолько насыщенной, что эта территория оформилась в полноценное немецкоязычное сообщество и полвека уже является территорией с законодательным суверенитетом и наделена неоформленным статусом автономии.

В рамках работы впервые проводится историографическое исследование, связанное с изучением проблемы присоединения немецкоязычных территорий Эйпен-Мальмеди к Бельгии. Данная статья призвана показать степень изученности вопроса как в отечественной, так и в зарубежной историографии.

Ключевые слова: немецкоязычные территории, Эйпен-Мальмеди, Первая мировая война, Вторая мировая война, историография, Бельгия.

Введение

Проблема, связанная с присоединением кантонов Эйпен-Мальмеди в Бельгии и адаптацией проживающего там населения к внутренним условиям страны, все еще остается малоизученной в отечественной историографии. В то же время зарубежная историография насчитывает немало исследований, посвященных истории присоединения Эйпен-Мальмеди к Бельгии, особенностям передачи этих территорий и проблематизации языкового вопроса в государстве.

Цель данной статьи является подготовка историографического обзора, посвященного вопросу изучения бельгийских территорий Эйпен-Мальмеди. В рамках исследования поставлена задача выявления лагун, связанных с изучением присоединения к Бельгии немецкоязычных территорий в период с 1918 по 1945 год.

Актуальность исследования связана с необходимостью более глубокого изучения данной проблематики, что может способствовать лучшему пониманию исторических и социальных процессов, происходивших в Бельгии, в контексте присоединения немецкоязычных кантонов.

Обзор литературы

Весомый вклад в изучение истории Бельгии внесла А. С. Намазова, работы которой были использованы в качестве анализа бельгийской государственности и введения в проблематику по истокам языковых разногласий на территории государства [1–3]. В статье также рассматриваются труды А. О. Хоросевой, необходимые для изуче-

ния положения Бельгии и гарантий безопасности государства в межвоенный и военный периоды XX века [4–6].

В отечественной историографии недостаточно освещена тема присоединения немецкоязычной территории к Бельгии. Предпосылки и ход политической истории немецкоязычной коммуны отражены в трудах следующих ученых: К. Брюлля [7–9], П. Квадфлига [12], Д. Менникена [12], Т. Мюлля [12], В. О'Коннелла [13–14], К. Пабста [15–16], Р. Роркампа [12], Э. Херребута [12], М. Шерера [12].

Методы исследования

В процессе исследования был использован комплекс методов, основными являются системно-структурный и описательный, которые используются для изучения немецкоязычной территории как одного из регионов Бельгии. При написании статьи применялись сравнительный и аналитический методы для детального изучения внутренних проблем Бельгии, представленных в историографии.

Результаты и дискуссия

Известный российский историк А. С. Намазова, стоящая у истоков отечественного изучения истории Королевства Бельгия, исследует специфику языкового конфликта, анализируя историю бельгийской государственности и роль страны в межвоенный и военный периоды XX века. В частности, она обращает внимание на языковой конфликт и раскол страны из-за присоединенной немецкоязычной территории Эйпен-Мальмеди [1]. Исследователь отмечает, что зарождению нацизма в Бельгии способствовал лингвистический раскол

в стране: «...в Бельгии ощущалось заметное финансовое и организованное политическое влияние фашистских режимов, в частности Германии, которая оказывала существенное воздействие на проживавшее в государстве немецкоязычное население» [3, с. 256].

В межвоенный период немецкоязычное население было особенно уязвимо, поскольку не чувствовало особой поддержки со стороны бельгийской власти и местной администрации в Эйпен-Мальмеде: «...среди бельгийского руководства было распространено мнение о невозможности ассимиляции местного населения» [3, с. 266]. В связи с этим немецкоязычная территория становилась инструментом воздействия и управления нацистской Германии, превращаясь в «инкубатор нацистской подрывной деятельности» в годы Второй мировой войны. Прогерманская агитация усилилась на немецкоязычных землях после прихода к власти Гитлера в Германии. На территории Эйпен-Мальмеде после их присоединения к Бельгии в 1930-х гг. создавались специальные патриотические организации, которые имели связи с Германией, поддерживали немецкие культурные и языковые интересы и вскоре трансформировались в объединения националистического толка, использовавшиеся Германией для распространения идей нацизма.

Как отмечает А. С. Намазова, распространение фашистских настроений и антиправительственных движений в Бельгии было обусловлено множеством факторов, в том числе «неэффективной работой существующих политических институтов» [1, с. 259]. Итоги Парижской мирной конференции 1919–1920 годов вызвали недовольство экономической и политической элиты Бельгии, в частности из-за аннексии немецких земель – Эйпен, Мальмеде и Сен-Вит, что еще более усугубило продолжающийся лингвистический конфликт [2]. Также ситуацию осложняло разделение государства на три языковые области, три языковых сообщества: франкоязычное, фламандскоязычное и немецкоязычное.

Исследования А. С. Намазовой способствовали более глубокому пониманию языкового конфликта в Бельгии и его влиянию на политическую ситуацию в стране, особенно в контексте германской агитации в межвоенный период. Особую роль в нацистской пропаганде сыграли Эйпен-Мальмеде, так как немецкоязычное население этих территорий стало уязвимым объектом манипуляций со стороны нацистской Германии.

Другой российский специалист по истории Бельгии, внутренней и внешней политике государства в XIX–XX веках А. О. Хорошева в исследованиях обращает внимание на проблему бельгийского нейтралитета и причины отказа от него, детально анализируя положение Бельгии до и после Первой мировой войны [4]. Исследователь также рас-

сматривает вопрос репараций в рамках Версальского договора. На Парижской мирной конференции бельгийское правительство должно было решить проблему репараций, обеспечив свое государство «новыми гарантиями безопасности» [5, с. 242]. Важно отметить, что у Королевства имелись некоторые территориальные претензии. Бельгия планировала получить области Моресне и Мальмеде в качестве компенсации за понесенный ущерб, а также германскую территорию Эйпен, которую Бельгия считала своим «старым владением» [7, 12].

Бельгийский король Альберт открыто заявлял о необходимости компенсации ущерба, нанесенного стране, путем территориального расширения – возвращения исторических территорий. В военном, политическом и географическом плане государство должно было укрепиться по итогам Первой мировой войны и стать «более крепкой страной с международной точки зрения, более крупной географически» [5, с. 246].

А. О. Хорошева также отмечает, что кантоны Эйпен и Мальмеде ранее, до присоединения к Пруссии в 1815 году, входили в состав бельгийских провинций и преимущественно относились к Валлонии: вся область Мальмеде и кантон Сен-Вит были заселены валлонами¹. Более того, после окончания Первой мировой войны франкоговорящие жители этих территорий выступали за присоединение к Бельгии. «В области Эйпен преобладал германский диалект, присоединение этой территории было не столь оправданным с культурной точки зрения» [5, с. 252]. Тем не менее, Эйпен имел важное экономическое значение для Бельгии благодаря богатым лесным ресурсам и месторождениям свинца и цинка. Наличие леса и свинца не помогало в обороне. Со стратегической точки зрения присоединение Эйпена способствовало укреплению обороноспособности государства [5, с. 252].

Все требования бельгийцев были официально зафиксированы в меморандуме от 17 января 1919 года, в котором шла речь о пересмотре отмены нейтралитета, создании военно-морской базы в Антверпене и других вопросах, связанных с суверенитетом. Кроме того, бельгийское правительство волновал вопрос формирования эффективной системы безопасности и защиты границ в условиях утраченного нейтралитета и, соответственно, доверия к союзникам. Обеспечение защиты рубежей Бельгия видела в создании оборонительной пограничной зоны, а именно в присоединении соседних с Бельгией немецких областей: Моресне, Эйпен и Мальмеде [6].

¹ Валлоны – это народ, проживающий преимущественно в Валлонии, южной части Бельгии, где они составляют значительную часть населения. Они говорят на валлонском диалекте французского языка и культурно тесно связаны с французскими традициями.

Для решения поставленных задач и с учетом требований страны была создана специальная Комиссия по делам Бельгии 12 февраля 1919 года, куда вошли представители академического сообщества Франции, США и Великобритании, по решению которой были пересмотрены договоры 1839 года, а также положительно рассмотрены требования Бельгии по передаче германских территорий: нейтральной области Моресне и областей Эйпен-Мальмеди. Верховный совет² 8 марта 1919 года утвердил решение Комиссии [6].

Важно отметить, что Бельгия имела также притязания на нидерландские области: Фландрию и южную часть Лимбурга. При этом предполагалось, что Нидерланды получат территориальные компенсации со стороны Германии в обмен на аннексию Бельгией голландских областей. Этот вопрос должен был рассматриваться совместно с Нидерландами, однако государство не приняло участия в работе Парижской мирной конференции, поскольку имело нейтральную позицию во время Первой мировой, а неучастие в конфликте сделало его менее активным в вопросах, обсуждаемых на Конференции [12, с. 14].

16 апреля был собран «Совет четырех»³ по вопросу территориальных компенсаций Бельгии в контексте более широкого вопроса о послевоенном устройстве Европы. Великобритания не поддерживала присоединение нидерландских и особенно немецких территорий к Бельгии, так как корона опасалась появления значительного количества этнических немцев на территории Бельгии. Область Мальмеди находилась в зоне оккупации Великобритании, а британское командование всячески поддерживало прогерманские настроения – запреты на распространение бельгийских газет, на вывешивание бельгийского флага и т. д.

А. О. Хорошева оценивает бельгийскую дипломатию во время и после Первой мировой войны как неудачную: государство было вовлечено в войну, стало неполитическим игроком, поставлен вопрос об отмене нейтралитета. Несмотря на присоединение немецкоязычной территории Эйпен-Мальмеди, Нейтрального Моресне и Сен-Вит, Бельгия не получила территориальные компенсации в полном объеме, ее нейтралитет был упразднен, и страна не обрела гарантии своей национальной безопасности в случае нападения врага [5, с. 266].

² Верховный совет (Верховный военный совет) – орган, объединяющий союзников во время Первой мировой войны. Функционировал с 1917 по 1920 год. Располагался в Версале. Его целью являлось обсуждение условий будущего перемирия и решений, которые должны были быть приняты после заключения мирного договора.

³ «Совет четырех», или Большая четверка, состоял из стран-победительниц Первой мировой войны: США, Великобритании, Франции и Италии. Этот Совет играл ключевую роль в формировании послевоенного порядка и обсуждении вопросов, связанных с территориальными компенсациями и восстановлением Европы после войны.

А. С. Намазова и А. О. Хорошева представляют ценные исследования, способствующие пониманию ключевых аспектов истории Королевства Бельгии, включая языковые конфликты и политику нейтралитета. А. С. Намазова подчеркивает, что лингвистический раскол в стране был одной из причин влияния нацистской идеологии на немецкоязычное население, особенно в контексте оккупации территории Германским рейхом в период Второй мировой войны. Это поднимает важные вопросы о необходимости изучения межэтнических конфликтов и политического дисбаланса. С другой стороны, А. О. Хорошева представляет результаты разгрома и изменения национальных границ Бельгии и то, как государство оказалось уязвимым, не сумев обеспечить надежные гарантии своей безопасности.

Несмотря на то что отечественные исследователи сделали большой прорыв в изучении истории Бельгии, ее государственности, внутренней и внешней политики, а также международных отношений, однако остается лакуна в изучении немецкоязычных территорий. Наибольший вклад в изучение истории территории Эйпен-Мальмеди внесли зарубежные исследователи. Их работы, основанные на обширных архивных материалах и сравнительном анализе, позволили глубже понять динамику этнических и языковых процессов, позволив оценить влияние немецкоязычного населения на общую историю Бельгии и ее культурное и языковое разнообразие.

В зарубежной историографии особую роль играют научные работы бельгийского историка К. Пабста, который одним из первых начал изучать отношение политического руководства государства к немецкоязычному населению, а также эти территории в период Второй мировой войны. К. Пабст проводит анализ политических сил, которые в течение Интербеллума удерживали Эйпен-Мальмеди, переданные Бельгии по Версальскому договору, находившиеся в политической неопределенности между «старым» и «новым» отечеством. По его мнению, модель Эйпен-Мальмеди показывает столкновение концепций государства и нации, которое определялось национальным мышлением и в конечном счете могло быть преодолено через пересмотр традиционных национальных идей [15].

Проблема централизма законодательной и исполнительной ветвей власти, подчеркнутая К. Пабстом, особенно проявилась с аннексией Эйпен-Мальмеди в 1919 году. Население немецкоязычных кантонов выросло «в политической атмосфере» Германской империи и стало еще более тесно связано с ней благодаря опыту Первой мировой войны. Однако аннексия территорий поставила вопрос перед населением: следовать немецкому образцу национального государства и отстаивать свою старую национальную принадлежность или

признать бельгийскую государственную идею, которая предполагала политическую лояльность и внимание к языковым и культурным корням в рамках концепции «бельгийской нации» [16, с. 209–210]. Эта концепция является частью национального государства Бельгии, где, несмотря на многоязычие, нет указаний на различия между отдельными национальными группами, что отражено в бельгийской Конституции 1831 года. В частности, в статье 25 говорится о «нации» в политическом и конституционном смыслах [10].

Внутренняя проблема бельгийского государства, противоречия его конституционного устройства, особенности этнолингвистического состава ставят под сомнение то, в какой степени конституция, традиции и политическое устройство способствовали или препятствовали ассимиляции населения Эйпен-Мальмеди.

В этом контексте К. Пабст поднимает вопросы, связанные с возможностью эволюции политической структуры, которая учитывала бы этнолингвистические особенности Эйпен-Мальмеди и проживающего там населения, связанные с существованием старобельгийского языка на этой территории.

С присоединением Эйпен-Мальмеди внутренние проблемы государства и «бельгийской нации» стали очевидными. Требования к языковой и политической толерантности «старых» национальностей, а также гибкости конституционного и языкового права являлись проверкой практической эффективности государственной идеи, основанной на концепции «микрокосма Западной Европы», разработанной историком Анри Пиренном. Согласно его взглядам, этнокультурные особенности населения Бельгии сформировались под воздействием Франции и Германии. Благодаря расположению на фронтире римской и германской «рас», у жителей региона сложилась самобытная культура, впитавшая особенности соседних народов. В исследованиях А. Пиренна эти преобразования получили название «единство социальной жизни» [17].

Также К. Пабст затрагивает сложные аспекты национального вопроса в Бельгии, особенно в контексте отношений между Фландрией, Валлонией и впоследствии немецкоязычным регионом Эйпен-Мальмеди. Историк уделяет внимание политическим и культурным изменениям, произошедшим в результате интеграционных процессов и растущего влияния национал-социализма. В частности, подчеркивается, что применение принципа большинства к национальному вопросу, предполагающего регулирование Бельгией использования официального языка посредством законодательства, входило в идеи основателей бельгийского государства, однако оспаривалось теоретиками гражданского права.

Таким образом, немецкоязычное население Эйпен-Мальмеди оказалось в централизованном

государстве, что значительно ограничивало его политические права. Сложившуюся ситуацию, в которой оказались бельгийские немцы, смогла бы улучшить только поддержка хотя бы одной крупной старой бельгийской партии. От отношения к немецкоязычному населению двух крупных старых бельгийских народов, их партий и правительства зависело восприятие в Эйпен и Мальмеди идеи бельгийского государства как альтернативы идее национального государства, которыми являлись Германская империя и Веймарская республика [15].

На основании проведенного с использованием источников анализа К. Пабст выделял три исторических этапа интеграции немецкоязычной территории в состав Бельгии, которые характеризуются разными взаимоотношениями между Эйпен-Мальмеди, Германией и «старой Бельгией» [16, с. 211–212].

«Переходный период» между 1920 и 1925 годом характеризуется стремлением интегрировать кантоны Эйпен-Мальмеди в национальную политическую систему и культурную среду. Эти территории имели особый статус, выходящий за рамки бельгийской конституции, и находились под прямым управлением Парламента: под руководством Верховного комиссара восточных кантонов Бельгии Германа Балтии законодательство, экономика и система образования постепенно были приведены в соответствие с бельгийскими стандартами [16, с. 212].

Межвоенный период с 1925 по 1933 год характеризуется восстановлением политической жизни немецкоязычного региона, что было обусловлено упразднением временной администрации. На этом этапе наметилось разделение населения на «немецкое» и «бельгийское» по лингвокультурным особенностям. Также возросло влияние бельгийской национальной идеи, а прогерманское национал-социалистическое течение «Движение за родину» (Heimatabewegung)⁴ приобрело прочную организационную форму [16, с. 212].

Наконец, период после 1933 года К. Пабст охарактеризовал усилением национал-социалистической идеологии в регионе, поэтому выбор между Германией и Бельгией: между национальным (моноэтническим) (Nationalstaat) и многонациональным (полиэтническим) государством (Nationalitätenstaat), неоднократно накладывался на мировоззренческий выбор: за или против национал-социализма. Бельгийская политика пыталась адаптироваться под «Движение за родину», которое с 1933 года становилось все более радикальным [16, с. 212].

К. Пабст смог выявить влияние исторически сложившейся формы государственного устройства

⁴ «Движение за родину» (Heimatabewegung) – движение конца XIX века в Германии, целью которого было укрепление национальной идентичности и которое в конечном счете привело к созданию многочисленных региональных ассоциаций.

и культурной политики, проводимой Королевством, на процесс становления бельгийской и немецкой идентичности с 1920 по 1933 год. Исследователь подчеркивал, что на языковые и культурные права сообществ значительное влияние оказывали различные политические течения и идеологии.

Бельгийский историк К. Брюль рассуждает о том, что положение Эйпен-Мальмеди и его жителей является результатом обострения национализма не только немецкого, но и бельгийского, а также следствием слабости и хрупкости демократии [8]. Среди территорий, которые Германия была вынуждена уступить Бельгии после Первой мировой войны, особую роль играет кантон Мальмеди. Две трети его населения говорили по-французски (на валлонском диалекте). Языковая ситуация в Мальмеди отличалась от ситуации в двух других приобретенных Бельгией немецкоязычных кантонах – Эйпене и Сен-Вите. Ученый пытается проследить политическую и социальную историю трех Восточных регионов: Эйпена, Мальмеди и Сен-Вит за годы, предшествовавшие окончанию Первой мировой войны, и до Второй мировой войны, уделяя при этом особое внимание ситуации в Мальмеди.

К. Брюль пишет об образе Бельгии как «государстве-мученике» применительно к вторжению в страну в августе 1914 года, когда ее нейтралитет был нарушен Германией. В связи с этим автор указывает на понимание среди стран-союзников ситуации относительно бельгийских требований по планам в отношении репараций.

Бельгийская делегация, направленная на Парижскую мирную конференцию в 1919 году для решения вопросов репараций и территориальных компенсаций в отношении государства, во главе с министром иностранных дел Полем Имансом, министром юстиции Эмилем Вандервельде и дипломатом Жюлем ван ден Хёвелем, понимала, что планы по присоединению фламандской части Нидерландов и Люксембурга не будут осуществлены [11]. Однако «деаннексия» в прошлом прусских территорий проходила успешно и была исторически обоснована: территория нейтрального Моресне, которая ранее находилась в совместном ведении Бельгии и Пруссии, отошла к Бельгии без обсуждения. После тяжелых переговоров к территории Бельгии были присоединены немецкие кантоны Эйпен-Мальмеди. По мнению К. Брюлля, «деаннексия» Мальмеди была оправдана «валлонским характером» [7, с. 5].

Согласно Версальскому договору, заключенному 28 июня 1919 года, кантоны Эйпен-Мальмеди были переданы в ведение Бельгии, а статья 34 гласила, что «Германия отказывается от всех прав и претензий на всю территорию кантонов Эйпен и Мальмеди в пользу Бельгии» [18]. К. Брюль пишет, что «для сохранения видимости

права народов на самоопределение» население Эйпен-Мальмеди могло письменно заявить свое несогласие с этим решением [7, с. 5]. До ратификации Версальского договора 10 января 1920 года территория находилась под суверенитетом Германии.

Так, население Эйпен-Мальмеди могло письменно опротестовать аннексию этих территорий путем поименной регистрации голосов их жителей. Результаты голосования правительство Эйпен-Мальмеди должно было изложить Лиге Наций, которая бы приняла окончательное решение по вопросу инкорпорации земель в состав Бельгии.

Присоединение немецкоязычных кантонов было сложным процессом, не поддерживавшимся основной массой населения Эйпен-Мальмеди. Первые протесты против присоединения региона к Бельгии были опубликованы в газете *Le Peuple* [7, с. 8]. В частности, позиция была отражена Луи де Брукером, членом Бельгийской рабочей партии, который заявил, что от Германии отходят целых два кантона без предварительной консультации с местным населением, разрешая зарегистрировать свои возражения в реестрах, контролируемых бельгийским правительством, где «основные державы» будут иметь подавляющее большинство и учтут возражения по своему усмотрению [7, с. 8]. Опасения выразителей общественного мнения в журналах нашли свое отражение в результатах голосования: из 33 726 местных жителей только 271 представитель немецкоязычных территорий выразился против присоединения к Бельгии и планировал вернуться в Германию в случае аннексии.

К. Брюль отмечает роль главы правительства Эйпен-Мальмеди, Верховного комиссара, который обладал полномочиями как исполнительной, так и законодательной власти, благодаря чему имел неограниченные полномочия в регионе. Первым Верховным комиссаром был назначен Герман Балтия (1863–1935 гг.), повлиявший на развитие немецкоязычных территорий и разрешение языкового вопроса. Г. Балтия уважал культурные ценности региона и проживавшего там населения и благодаря его содействию была выпущена прокламация, в которой были прописаны гарантии уважения немецкого языка, религии и государственного образования. Однако Брюль указывает на то, что цензура прессы была латентная, а неофициальная, что влияло на пересмотр последствий Первой мировой войны и Версальского договора [9].

С вступлением в силу закона от 6 марта 1925 года территория Эйпен-Мальмеди окончательно была присоединена к Королевству Бельгия, а временная администрация Балтии была прекращена.

Не менее существенный вклад в изучение вопроса присоединения к Бельгии немецкоязычных территорий внес ирландский историк Винсент О'Коннелл, который анализирует историю немецкоязычного населения Бельгии под другим углом.

Его исследования посвящены истории формирования понятия «Эйпен-Мальмеди», основанного на разделении территорий по лингвистическим признакам, формировании языковых меньшинств и установлении новых традиций и ценностей [13].

Он подчеркивает, что история Эйпен-Мальмеди отражает не только изменение политических границ, но и сложные культурные и языковые аспекты, оставившие след на идентичности местного населения, которое неоднозначно отреагировало на аннексию немецкоязычных территорий. С одной стороны, жители стремились к сохранению своей культурной идентичности и языка. С другой стороны, они были готовы принять вхождение в состав нового государства, но испытывали опасения насчёт сохранения своей немецкой идентичности [14].

В период нахождения Эйпен-Мальмеди в составе Германии в регионе была реализована культурная политика, направленная на формирование культурно однородной немецкой нации⁵. Были введены запреты на употребление всех языков, кроме немецкого, а нарушители преследовались по закону. Указанные требования распространялись и на школы, в которых осуществлялось организованное подавление французского и валлонского языков: образовательная политика заключалась не в сохранении языков национальных меньшинств, а в популяризации немецкого. После начала Первой мировой войны судьба приграничных кантонов вновь оказалась под вопросом. Некоторые жители этих регионов приветствовали инициативу стать бельгийскими гражданами, но большинство понимало, что существует высокий риск утраты принятой ими немецкой идентичности [13, с. 7].

На Парижской мирной конференции бельгийские представители имели высокие ожидания по компенсациям из-за понесенного ущерба в ходе Первой мировой войны. В результате Версальского договора к Бельгии отошли немецкие пограничные территории Эйпен-Мальмеди, а также Мореснет. Историк Винсент О'Коннелл рассматривает эти территории как «не более чем скудные крохи утешения, упавшие со стола послевоенных переговоров» [13, с. 15]. Более того, будущий губернатор Эйпен-Мальмеди Герман Балтия считал, что передача Бельгии столь незначительной части земель сродни «предоставлению гурману кости для жевания» [13, с. 15]. Однако, несмотря на все изменения и политические маневры, экономические и культурные факторы привели к тому, что переданные территории стали источником конфликтов как внутри самого государства, так и между Бельгией и Германией.

В исследованиях Винсента О'Коннелла подчеркивается важность исторического контекста, в них рассматриваются проблемы идентичности, культурной и языковой политики, которые остаются проблемными областями и в современной Бельгии.

В сборнике документов из государственных архивов в Эйпене и Ахене, составленном бельгийскими учёными Элс Херребут, Томасом Мюллером, Питером Квадфлигом, вышедшем в 2020 году под редакцией Рене Роркампа, подчеркивается мысль о том, что кантоны Эйпен-Мальмеди являются историческими территориями Королевства и изначально входили в состав бельгийских земель, которые были ошибочно переданы Пруссии [12]. Этот вопрос включает в себе несколько проблем, требующих глубокого анализа.

Составители сборника пришли к следующим выводам: последствия положений Версальского договора отразились на целостности Бельгии; была присоединена территория Эйпен-Мальмеди с этническим немцами в качестве компенсации за нанесенный Германским рейх ущерб. Это показывает, как малые государства формируют свои стратегические интересы и апеллируют к истории для оправдания территориальных требований.

Во-первых, следует уделить внимание исторической принадлежности территорий, входивших в состав Германской империи с 1871 года. Важным аспектом является то, что границы административного округа Аахен и прусской Рейнской провинции формировали не только геополитическую ситуацию в регионе, но и определенные экономические и культурные связи. При этом нейтральная территория Моресне, статус которой не был определен на Венском конгрессе 1815 года и которая находилась в Condominiumе между Германией и Бельгией с момента независимости Бельгии от Нидерландов, оставалась важным элементом в понимании конфликта между этими двумя странами [12, с. 10].

Во-вторых, с началом Первой мировой войны восточная граница Бельгии превратилась в жесткий закрытый барьер. Все действия Германии против Бельгии, а именно военное вторжение на территорию государства, которое нарушило международное право, оккупация, военные преступления и другие незаконные действия положили конец дипломатическим отношениям двух стран.

В-третьих, по результатам Версальского договора Бельгия получила территориальные компенсации за ущерб, причиненный ей Германией в ходе Первой мировой войны. Территориальные интересы Бельгии заключались в расширении национальных границ за счет включения в состав страны кантонов Эйпен, Мальмеди и частей округов Шлейден и Битбург. Программа максимальных требований предусматривала аннексию или, по крайней мере, федеративное присоединение всей

⁵ Осуществление этой политики происходило в рамках «Культуркампа», инициированного О. Бисмарком и включала в себя требования по «германизации» всех сфер общественной деятельности, в том числе культурной, а также борьбу против власти католической церкви в Германской империи.

немецкой территории на левом берегу Рейна и включение Великого Герцогства Люксембург и голландской провинции Лимбург в состав Бельгии [12, с. 14].

Помимо стратегических соображений, направленных на защиту от германской агрессии, эти требования основывались также на экономических, лингвистических и исторических соображениях. В частности, в отношении кантонов Эйпен и Мальмеди утверждалось, что их присоединение к Бельгии будет являться «деаннексией» территорий, изначально принадлежавших Королевству, которые были ошибочно переданы Пруссии Венским конгрессом в 1815 году [12, с. 14].

Изучение территориальных притязаний Бельгии на немецкоязычные области Эйпен-Мальмеди в контексте Версальского договора подчеркивает сложную сеть исторических, культурных и политических факторов, повлиявших на формирование внешней политики Королевства. Данный анализ позволяет глубже понять, как малые государства формируют свои стратегические интересы в условиях конфликтных ситуаций и как историческая справедливость может служить оправданием для территориальных требований в рамках сложившейся политической конъюнктуры.

Выводы

Краткий обзор отечественной историографии по вопросу присоединения немецкоязычных территорий Эйпен-Мальмеди к Бельгии показывает, что вопреки изученности отдельных аспектов проблемы комплексное исследование ранее не проводилось, несмотря на научную необходимость этого. В трудах как российских, так и зарубежных ученых зачастую не обозначены трудности и особенности, связанные с передачей немецкоязычной территории Бельгии, не учитывается правовой аспект присоединения регионов, связанных с языком, образованием, социальной и другими сферами, необходимыми для обеспечения жизнедеятельности немецкоязычных кантонов Эйпен-Мальмеди.

Обзор зарубежной историографии выявляет широкий спектр существующих лагун, в частности, потребность в изучении эволюции положения немецкоязычного меньшинства в Королевстве Бельгия и изучении архивных документов межвоенного периода на немецкоязычных территориях. Проведение комплексного анализа присоединения немецкоязычных территорий Эйпен-Мальмеди, фундированного на архивных материалах, позволит сделать существенный вклад в изучение истории Королевства Бельгия в Новейшее время.

Таким образом, актуальность и значимость исследования территориальных притязаний Бельгии на немецкоязычные кантоны Эйпен-Мальмеди состоят в том, что не до конца исследована языковая политика, повлиявшая на развитие национал-социалистических идей; не освещена проблема

голосования местного населения за или против вхождения в Бельгию; не рассмотрены языковые вопросы, повлиявшие на культурную жизнь региона; не изучена общественно-политическая жизнь местных немцев в межвоенный период. Существующие проблемы подчеркивают необходимость дальнейшего изучения как историко-правовых, так и культурно-языковых аспектов вопроса присоединения немецкоязычных территорий к Бельгии.

Литература

1. Намазова, А. С. Бельгия: эволюция государственности в XVIII–XX веках / А. С. Намазова. – М. : Наука, 2008. – 390 с.
2. Намазова, А. С. Германские планы в отношении Бельгии и их осуществление накануне Первой и Второй мировых войн / А. С. Намазова // Феномен мировых войн в истории XX века : материалы Всероссийской научно-теоретической конференции. – Воронеж : Научная книга, 2017. – С. 51–59.
3. Намазова, А. С. Лингвистический раскол и особенности распространения фашизма в Бельгии (1919–1945 гг.) / А. С. Намазова // Фашизм, неофашизм и их преступная практика : сборник статей памяти Елены Дмитриевны Строгановой ; отв. ред. А. А. Богдашкин. – М. : Весь Мир, 2021. – С. 256–281.
4. Хорошева, А. О. Бельгия после Версальского мира: от нейтралитета к политике независимости / А. О. Хорошева // Итоги и последствия Первой мировой войны: взгляд через столетие : сборник статей Всероссийской научно-теоретической конференции. – Воронеж : Научная книга, 2018. – С. 178–194.
5. Хорошева, А. О. Внешняя политика Бельгии накануне и во время Первой мировой войны / А. О. Хорошева. – М. : ИВИ РАН, 2007. – 295 с.
6. Хорошева, А. О. От Версаля до Локарно: Бельгия в системе международных отношений после Первой мировой войны / А. О. Хорошева // История. – 2019. – Вып. 11 (85). – С. 10.
7. Brüll, C. 'Eupen-Malmedy 1918–1945 : Le temps des déchirures' in *Hommage à Henri Bragard, 1877–1944* / C. Brüll // *Scientific Congresses and Symposiums : Collection 'Mémoire wallonne'*. – 2009. – 13. – P. 11–37.
8. Brüll, C. *Un passé mouvementé: l'histoire de la Communauté germanophone de Belgique* / C. Brüll // *La Communauté germanophone de Belgique* ; ed. K. Stangherlin. – Bruxelles : La Chartre, 2005. – P. 17–47.
9. Brüll, C. *Zoom 1920–2010. Nachbarschaften neun Jahrzehnte nach Versailles* / C. Brüll. – Eupen : Grenz-Echo, 2012. – 207 p.
10. *Constitution belge, 1831*. – URL: <https://mjp.univ-perp.fr/constit/be1831.htm>.
11. Devleeshouwer, R. *L'opinion publique et les*

revendications territoriales belges à la fin de la Première Guerre mondiale 1918–1919 / R. Devleeshouwer // Sur l'histoire et le present: Liber amicorum. – 1968. – P. 207–238.

12. Herrebout, E. Zwischen Belgien und Deutschland: Quellen aus dem Stadtarchiv Aachen und dem Staatsarchiv in Eupen zum Staatswechsel Eupen-Malmedys 1919–1925 / E. Herrebout, P. M. Quadflieg, T. Müller, R. Rohrkamp. – Aachen : Stadtarchiv Aachen, 2020. – 245 p.

13. O'Connell, V. "Left to Their Own Devices". Belgium's Ambiguous Assimilation of Eupen-Malmedy (1919-1940) / V. O'Connell // Journal of Belgian History. – 2013. – № 43 (4). – P. 10–45.

14. O'Connell, V. The Annexation of Eupen-Mal-

medy: Becoming Belgian, 1919–1929 / V. O'Connell. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2017. – 331 p.

15. Pabst, K. Das Problem der deutsch-belgischen Grenze in der Politik der letzten 150 Jahre / K. Pabst // Zeitschrift des Aachener Geschichtsvereins. – 1966. – Bd. 77. – S. 183–210.

16. Pabst, K. Eupen-Malmedy in der belgischen Regierungs- und Parteienpolitik 1914–1940 / K. Pabst. – Aachen : Metz, 1964. – 309 p.

17. Pirenne, H. Histoire de Belgique. Des origines au commencement du XIVe siècle / H. Pirenne. – Bruxelles : Henri Lamertin, 1900. – 431 p.

18. The Versailles Treaty June 28, 1919. – URL: https://avalon.law.yale.edu/subject_menus/versailles_menu.asp (дата обращения: 26.06.2022).

Молодцова Анна Васильевна – аспирант кафедры всеобщей истории, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: a-molodtsova99@mail.ru

Поступила в редакцию 9 апреля 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh250204

HISTORIOGRAPHICAL ASSESSMENTS OF THE ANNEXATION OF GERMAN-SPEAKING TERRITORIES TO BELGIUM

A. V. Molodtsova

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

The problem of the annexation of German-speaking territories to the Kingdom of Belgium in the interwar and war periods of the 20th century remains a poorly studied topic in Russian historiography to this day. However, there are a number of Russian scientists who have touched upon the issue of the annexation of the Eupen-Malmedy cantons to Belgium in the context of studying the history of the state in 1918 and 1939–1945, the linguistic split and the consequences of the First and Second World Wars.

Interest in the issue of foreign historiography is due to timeless relevance of the topic for the state itself, its political and scientific figures, associated with the change of the national border in the history of Belgium. This is especially relevant for a small region on the border of Germany and Belgium, the history of which over the past 100 years has been so rich that this territory has formed into a full-fledged German-speaking community and for half a century has been a territory with legislative sovereignty and endowed with an unregistered status of autonomy.

Within the framework of the article, the author for the first time conducts a historiographical study related to the study of the problem of the annexation of the German-speaking territories of Eupen-Malmedy to Belgium. The scientific article is intended to show the degree of study of the issue in both domestic and foreign historiography.

Keywords: German-speaking territories, Eupen-Malmedy, the First World War, the Second World War, historiography, Belgium.

References

1. Namazova A.S. Bel'gija: jevoljucija gosudarstvennosti v XVIII–XX vekah [Belgium: the Evolution of Statehood in the 18th–20th Centuries]. Moscow: Science. 2008. 390 s.
2. Namazova A.S. Germanskie plany v otnoshenii Bel'gii i ih osushhestvlenie nakanune Pervoj i Vtoroj mirovyh vojn [German Plans for Belgium and Their Implementation on the Eve of the First and Second World

Wars] // *Fenomen mirovykh voin v istorii XX veka: materialy Vserossiiskoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii*. Voronezh: Science book, 2017. S. 51–59.

3. Namazova A.S. Lingvisticheskij raskol i osobennosti rasprostraneniya fashizma v Bel'gii (1919–1945 gg.) [Linguistic Split and Features of the Spread of Fascism in Belgium (1919–1945)] // *Fashizm, neofashizm i ikh prestupnaya praktika: sbornik statei pamyati Eleny Dmitrievny Stroganovoi*; otv. red. A.A. Bogdashkin. Moscow: All World, 2021. P. 256–281.

4. Horosheva A.O. Bel'gija posle Versal'skogo mira: ot nejtraliteta k politike nezavisimosti [Belgium after the Versailles Peace: from Neutrality to a Policy of Independence] // *Itogi i posledstviya Pervoi mirovoi voiny: vzglyad cherez stoletie: sbornik statei Vserossiiskoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii*. Voronezh: Science book, 2018. S. 178–194.

5. Horosheva A.O. Vneshnjaja politika Bel'gii nakanune i vo vremja Pervoj mirovoj vojny [Foreign Policy of Belgium before and during the First World War]. Moscow: IVI RAN. 2007. 295 p.

6. Horosheva A.O. Ot Versalja do Lokarno: Bel'gija v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij posle Pervoj mirovoj vojny [From Versailles to Locarno: Belgium in the System of International Relations after the First World War] // *Istoriya*. 2019. № 11 (85). P. 10.

7. Brüll C. 'Eupen-Malmedy 1918–1945: Le Temps des Déchirures' in Hommage à Henri Bragard, 1877–1944 // *Scientific Congresses and Symposiums: Collection 'Mémoire wallonne'*. 2009. 13. P. 11–37.

8. Brüll C. Un Passé Mouvementé: L'histoire de la Communauté Germanophone de Belgique // *La Communauté germanophone de Belgique*; ed. K. Stangherlin. Bruxelles: La Charte. 2005. P. 17–47.

9. Brüll C. ZOOM 1920–2010. Nachbarschaften neun Jahrzehnte nach Versailles. Eupen: Grenz-Echo. 2012. 207 p.

10. Constitution belge, 1831. URL: <https://mjp.univ-perp.fr/constit/be1831.htm>.

11. Devleeshouwer, R. L'opinion publique et les revendications territoriales belges à la fin de la Première Guerre mondiale 1918–1919 // *Sur l'histoire et le présent: Liber amicorum*. 1968. P. 207–238.

12. Herrebout E. [et al.]. Zwischen Belgien und Deutschland: Quellen aus dem Stadtarchiv Aachen und dem Staatsarchiv in Eupen zum Staatswechsel Eupen-Malmedys 1919–1925. Aachen: Stadtarchiv Aachen. 2020. 245 p.

13. O'Connell V. "Left to Their Own Devices". Belgium's Ambiguous Assimilation of Eupen-Malmedy (1919–1940) // *Journal of Belgian History*. 2013. № 43 (4). P. 10–45.

14. O'Connell V. The Annexation of Eupen-Malmedy: Becoming Belgian, 1919–1929. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2017. 331 p.

15. Pabst K. Das Problem der Deutsch-Belgischen Grenze in der Politik der Letzten 150 Jahre // *Zeitschrift des Aachener Geschichtsvereins*. 1966. Bd. 77. S. 183–210.

16. Pabst K. Eupen-Malmedy in der belgischen Regierungs- und Parteienpolitik 1914–1940. Aachen: Metz. 1964. 309 p.

17. Pirenne H. Histoire de Belgique. Des Origines au Commencement du XIVe Siècle. Bruxelles: Henri Lamertin. 1900. 431 p.

18. The Versailles Treaty June 28, 1919. URL: https://avalon.law.yale.edu/subject_menus/versailles_menu.asp (date of accessed: 26.06.2022).

Anna V. Molodtsova – Postgraduate Student of the Department of World History, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), e-mail: a-molodtsova99@mail.ru

Received April 9, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Молодцова, А. В. Историографические оценки присоединения немецкоязычных территорий к Бельгии / А. В. Молодцова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 32–40. DOI: 10.14529/ssh250204

FOR CITATION

Molodtsova A. V. Historiographical assessments of the annexation of German-speaking territories to Belgium. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 32–40. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250204